

Едва ли В. А. Мошин прав, говоря, что Д. С. Лихачев относит возникновение нового южнославянского стиля только к Болгарии и ко времени патриарха Евфимия. Именно Д. С. Лихачев наиболее развернуто обосновал мысль о том, что так называемое второе южнославянское влияние на Руси в конце XIV—XV в. представляет собой не одностороннее воздействие одной культуры на другую, а такое культурное явление, которое было обусловлено внутренними потребностями, развитием славянских стран в этот исторический период.⁹ Но для нас в данном случае важно не то — прав или неправ В. А. Мошин в своей оценке положений Д. С. Лихачева. Предположение В. А. Мошина о большом значении сербской литературной традиции в развитии стиля второго южнославянского влияния заслуживает всяческого внимания, но если бы эта мысль была единственной в его высказывании, мы могли бы также обвинить автора этого высказывания в односторонности, но главное и существенное заключается здесь в другом. Наиболее плодотворным и справедливым нам представляется высказывание В. А. Мошина о той большой роли, которую сыграли традиции Афона, своеобразной межславянской монашеской республики, в формировании философского мировоззрения и литературных концепций основателей болгарской филологическо-реформатской школы. Таким образом, различные взгляды на роль болгарской и сербской литературных традиций в формировании того стиля, под которым мы подразумеваем стиль второго южнославянского влияния, лишь подтверждают справедливость высказываний И. С. Дуйчева о том, что в центрах византийско-славянского общения в формировании философских идей, эстетических и литературных вкусов, становившихся общеславянским достоянием, посильную роль играли как представители греческой культуры, так и представители южного и восточного славянства.

Мы постараемся наметить те главные задачи, которые стоят перед исследователями того раздела русской агиографии, возникновение которого традиционно связывается со вторым южнославянским влиянием, раздела, в котором сформировался русский вариант «экспрессивно-эмоционального» стиля.

Первая задача в разработке этой темы — выяснить по рукописным собраниям, какие переводы византийских житий, созданных исихастами, и какие жития, написанные южнославянскими последователями исихазма, дошли до русского читателя, известны в русских списках, знакомство же с какими могло произойти только во время путешествий русских в Константинополь, на Афон или в южнославянские монастыри. В связи с этим вопросом заслуживают внимания статистические подсчеты С. Н. Смирнова,¹⁰ который, наблюдая над упоминаниями южнославянских святых в русских рукописях, сделал ряд любопытных выводов. Просмотрев 33 описания рукописей (16 284 единицы), автор обнаружил, что имена южнославянских святых встречаются в 282 рукописях. Начиная с XIII в. по конец XV—начало XVI в. южнославянские святые упоминаются в 34 рукописях, в XVI в. — в 122 рукописях, в XVII — в 99. Как видим, на период второго южнославянского влияния приходится наименьшее

⁹ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи, стр. 63.

¹⁰ С. Н. Смирнов. Сербские святые в русских рукописях. — В кн.: Юбилейный сборник Русского археологического общества в королевстве Югославии. К 15-летию Общества. Белград, 1936, стр. 161—264. Выражаю благодарность Ю. К. Бегунову, указавшему мне эту статью.